

Э. ЗОЛЯ

~~2/21~~
~~3-31~~

ЖЕРМИНАЛЬ

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1951

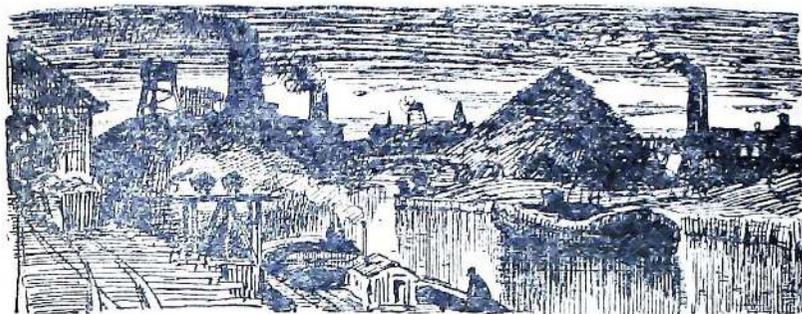
ОЦСТР

Перевод с французского
А. В. ДИМИТРЕВСКОГО

Редакция
М. Д. ЗИХЕНГОЛЬЦА

Иллюстрации художника
Г. Г. ФИЛИППОВСКОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

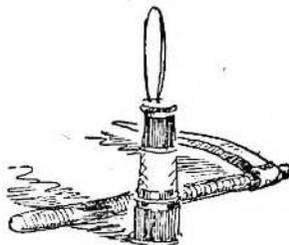
I

Среди голой равнины, в густом мраке беззвездной ночи, по большой дороге из Маршьенна в Монсу, пролежавшей совершенно прямо между полями свекловицы на протяжении десяти километров, шел путник. Перед собою он не видел даже земли; он только чувствовал, что идет в открытом поле: здесь, на безграничном просторе, неся мартовский ветер, подобный ледяному морскому шквалу, начисто подметая голую землю и болотистые топи. Ни деревца не было видно на фоне ночного неба; мощная дорога тянулась среди непроглядной тьмы, как мол в порту.

Путник отправился из Маршьенна часа в два. Он шел большими шагами, в поношенной куртке из бумажной материи и в бархатных штанах, и дрожал от стужи. Его очень стеснял небольшой узелок, увязанный в клетчатый платок; то и дело он перекладывал его из одной руки в другую, стараясь зажать подмышкой так, чтобы легче было засунуть в карманы обе руки, закоченевшие от восточного ветра и потрескавшиеся до крови. В опустошенной голове этого безработного, бездомного человека шевелилась одна лишь мысль, одна надежда, что с рассветом, может быть, потеплеет. Так он шел уже целый час и вот в двух километрах от Монсу увидел слева красные

постепенно скрывавшееся за горизонтом; прямо перед ним были развалины Ворё — проклятая яма, из которой день и ночь безустали откачивали воду тремя насосами. Дальше на горизонте виднелись шахты — Победа, Сен-Тома, Фетри-Кантель, а затем, к северу, высокие доменные печи и батареи коксовых печей; над ними в прозрачном утреннем воздухе клубился дым. Если Этьен не хотел опоздать на восьмичасовой утренний поезд, ему следовало торопиться; оставалось пройти еще шесть километров.

Под ногами у него попрежнему раздавались глухие, упорные удары кирки. Там были все его товарищи. Этьену казалось, что они сопровождают каждый его шаг. Не Маэ ли это работает там, под свекловичным полем? Она гнет спину, из груди ее со свистом вырывается хриплое дыхание, которому вторит шум вентилятора. Слева, справа, вдали — всюду он узнавал своих товарищей; они работали под засеянными полями, под живою изгородью, под молодыми деревьями. Высоко в небе во всей славе своих лучей сияло апрельское солнце, изливая тепло на землю-роженицу. Из ее материнского лона ключом била жизнь; почки разворачивались в зеленые листья, поля трепетали от роста трав. Повсюду набухали семена, тянулись ростки, пробиваясь на поверхность равнины, охваченные жаждой тепла и света. Изобильный сок струился, будто шопот голосов, шорох стеблей сливался в одном долгом поцелуе. И снова, снова, все яснее и отчетливей, словно приближаясь кверху, раздавались удары рабочей кирки. В пламенных лучах светила юным утром земля вынашивала в себе этот шум. Там росли люди, грозная, черная рать, медленно всходившая на бороздах нивы, созревая для жатвы будущего века; и Этьен знал, что посев этот скоро должен пробить толщу земли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1912 году, в связи с десятилетием со дня смерти Золя, большевистская «Правда» в номере от 28 октября дала высокую оценку творчеству французского писателя, назвав его «величайшим романистом и разоблачителем буржуазного века». «Правда» писала: «Ища тех..., кто возьмет на себя труд очистки земли от насилия и рабства, Золя все более и более приходил к мысли о рабочих. Он дал картину положения и борьбы рабочих в романе «Жерминаль».

«Жерминаль» — одно из лучших произведений Эмиля Золя. Название романа имеет символическое значение. Во время французской буржуазной революции 1789 года жерминалем был назван седьмой месяц (с 21 марта по 19 апреля) вновь установленного революционного календаря. Это месяц весны, появления всходов. На последней странице романа писатель восторженно рисует могучее пробуждение природы. Под животворными лучами весеннего солнца преобразается земля, необоримая сила жизни проявляется в набухших семенах, в разворачивающихся почках, в буйном росте трав.

Титанические силы жизни символизируют в данном случае могучее движение трудящихся масс, вдохновленных идеей революции. «Там росли люди, грозная, черная рать, медленно всходившая на бороздах нивы, созревая для жатвы будущего века; и Этьен знал, что посев этот скоро должен пробить толщу земли».

«Жерминаль» входит в двадцатитомную серию романов, названную Золя «Ругон-Маккары». Писатель около двадцати пяти лет работал над этим грандиозным социальным полотном. Он стремился развернуть перед читателем широкую картину жизни французского общества времен Второй империи (правления Наполеона III — 1851—1870).

В предисловии к первому тому серии, роману «Карьера Ругон», который вышел в 1871 году, вскоре после низложения Наполеона III, Золя писал: «В продолжение трех лет я подбирал материалы для моего большого труда, и настоящий том был уже написан, когда падение Бонапарта, которое мне как художнику было необходимо и представлялось неизбежным заключением драмы, но на близость которого я не смел надеяться, явилось ужасной и неизбежной развязкой моего труда. Теперь он закончен. Действие его протекает в замкнутом кругу. Он становится картиной отошедшего царствования, странной эпохи позора и безумия».

Задумав описать историю нескольких поколений семьи Ругон-Маккаров, писатель стремился вместе с тем показать положение различных классов и социальных групп современного ему французского общества. В романе «Деньги» он обрисовал биржу и в образе Саккара — хищника-финансиста, в романах «Покорение Плассана» и «Проступок аббата Мурэ» — французское реакционное духовенство, в романе «Дамское счастье» — процесс концентрации капиталов, разорения мелких торговцев в результате конкуренции, в романе «Западня» — положение парижских ремесленников, и т. д.

Изображению жизни, подневольного труда и борьбы французских пролетариев Золя посвятил тринадцатый том серии — роман «Жерминаль». Он появился в свет в 1885 году, когда Францию потрясло мощное забастовочное движение.

Хроника забастовочного движения той поры показывает растущее из года в год количество революционных выступлений французских рабочих: в 1879 году — 53 забастовки, в 1886 году — 65, в 1892 году — 182. Французский рабочий класс накопил уже немалый опыт революционной борьбы. В его славной истории было такое событие, как вооруженное восстание 1871 года, приведшее к образованию первого рабочего правительства — Парижской Коммуны.

Внимательно изучая глубокие социальные противоречия, которые переживала современная ему Франция, Золя не мог не интересоваться положением рабочих и их растущей революционной активностью. Результатом этого явился его роман «Жерминаль».

Основная тема романа — столкновение труда и капитала — грандиозная забастовка углекопов в Монсу.

В архиве писателя сохранились наброски и планы романа «Жерминаль», в которых Золя формулирует замысел своего произведения.

«Роман — возмущение рабочих. Обществу нанесен удар, от которого оно трещит: словом, — борьба труда и капитала. В этом все значение книги. Она предсказывает, по моему замыслу, будущее, выдвигает вопрос, который станет наиболее важным в XX веке».

Изнурительный труд, тяжелые бытовые условия, скученность, грязь, нищета, полуголодное существование углекопов и, в довершение ко всему этому, резкое снижение их заработной платы вызвали взрыв негодования и протеста.

Золя все это показывает на большом художественном полотне. Он описывает шахтерский поселок, его долги, томительные будни, заполненные тяжелым трудом и мыслями о хлебе. Обитатели поселка ждут дня полочки, когда в их руках появятся на мгновение жалкие гроши, чтобы потом тут же перейти в руки торговцев, должниками которых рабочие состоят уже многие годы, не имея возможности выбраться из все более затягивающей их кабалы.

Безразличные к нуждам рабочих, шахтовладельцы все более снижают зарплату шахтеров. Однажды они заявили, что с каждой вагонетки добытого угля теперь будет удерживаться по два су якобы для оплаты креплений.

Рабочие разгадали намерения Компании и объявили забастовку. Если до сих пор шла глухая длительная борьба между «трудом и капиталом», как выражался Золя, то теперь между ними началась ожесточенная схватка не на жизнь, а на смерть.

Вдохновенно рисует Золя силу и грандиозность рабочего движения. Героями его романа являются не отдельные люди, а вся шахтерская масса, углекопы. Золя любит их революционной энергией, в них он видит предвестников будущей бури, которая сметет прогнивший мир капитала.

«Да! Труд требует отчета у капитала, у этого безликого божества, неведомого рабочему, таящегося где-то в глубине своего святилища, откуда он высасывает соки из бедняков, его же кормящих».

Революционное сознание рабочих зреет, они начинают понимать свои политические задачи. На ночной сходке бастующих шахтеров в лесу, куда они собрались, скрываясь от полиции, рабочий Этьен Лантье высказывает правильные мысли о грядущем революционном переустройстве общества. «Свободы можно добиться лишь тогда, когда будет разрушен современный общественный строй. А когда народ возьмет власть в свои руки, начнутся реформы: замена семьи, основанной на подчинении, семьей равноправной и свободной; полное равенство — гражданское, политическое и экономическое, гарантия личной независимости, благодаря тому, что все будут иметь право на труд и на орудия производства, и, наконец, бесплатное, за счет общества, как общее, так и профессиональное образование. Это повлечет за собой полное переустройство старого, прогнившего общества».

Забастовка длится несколько месяцев. Тяжелые лишения испытывают углекопы. Компания прекратила выдачу угля для отопления квартир. Владельцы магазинов под давлением хозяев шахт окончательно перестали отпускать продукты в долг. В поселке начался голод. Но рабочие держатся стойко. Золя с симпатией рисует их революционное единство, рожденное и закаленное многолетним трудовым содружеством. Даже самые политически отсталые из них приходят к твердому убеждению в необходимости борьбы с буржуа до конца, до победы.

Писатель показывает, что в буржуазном обществе весь государственный аппарат — суд, полиция, армия — поддерживает эксплуататоров, является орудием подавления и угнетения трудящихся масс. В бастующем шахтерском поселке появляются войсковые части, которые беспощадно расправляются с восставшими рабочими. Золя рисует мрачную картину расстрела рабочих.

Забастовка кончилась поражением шахтеров. Но поражение это было временное. «Они, правда, были побеждены, — пишет Золя в романе, — но Париж не забудет выстрелов в Ворё... Углекопы подсчитали свои силы, испытали их и потрясли рабочий люд всей Франции своим призывом к справедливости. Потому-то поражение их никого и не успокоило; буржуа в Монсу, несмотря на свою победу, смутно чувствовали, что забастовка может возобновиться со дня на день, и пугливо озирались, как бы спрашивая, что таится в этом глубоком молчании — не пришел ли уже их неизбежный конец?»

Золя правильно показал предателей рабочего движения. Он нарисовал отвратительный образ штрейкбрехера Шавая, человека корыстного и жестокого, с низменными животными инстинктами. Именно таких субъектов выбирают капиталисты из среды рабочих и делают из них провокаторов, шпионов, предателей. Глубокое чувство отвращения вызывает у читателя Пьеррон, продавшийся шахтовладельцам и проклятый за это своею матерью. Рельефно вырисовываются в книге образы оппортунистов. Кабатчик Раснер, бывший рабочий, лицемерно защищает права углекопов, но в действительности, уже переродившийся в буржуа, он отстаивает интересы собственников, отговаривает рабочих от революционных действий. Подлинное его лицо стало особенно очевидно рабочим в дни забастовки, и они справедливо назвали его изменником.

Одиноким фигурой выступает в книге анархист Суварин, фанатик, не понимающий логики революционной борьбы. Он полагает, что отдельные личности могут изменить, разрушить буржуазный мир и построить новый. Суварин остается один, ни в ком не найдя поддержки своим ложным теориям.

Эпизодическая фигура Плюшара также отрицательна, и читатель не может не согласиться с мнением, высказанным о нем в книге как об одном из «краснобаев, которые поступают в политику так же, как поступают в адвокаты, чтобы наживать деньги своей болтовней».

Кто же истинный руководитель рабочего движения? Его нет в книге. Золя не показал настоящего вождя рабочих, и это значительный недостаток романа. Однако в Этьене Лантье намечаются черты революционера.

Этьен Лантье честен, благороден. Он идет на самопожертвование, мужественно борется за права рабочих. Ему не хватает знаний, он жадно читает, часто не доходя до истинного смысла книг, но терпеливо ищет ответа на волнующие его социальные вопросы. Он внимательно прислушивается к Плюшару, еще не сумев разгадать его. Иногда Этьен поддается разлагающему влиянию буржуазной морали, находит удовольствие в щегольском костюме, строит честолюбивые планы. Однако, как только он столкнулся с мрачными бедствиями шахтерского поселка во время забастовки, он продал свой щегольской костюм и все отдал голодающей семье Маэ, в квартире которых жил.

Этьен пользуется уважением рабочих, и та минутная вспышка досады на него за неудачу забастовки, которую проявили жители Монсу, сменилась прежней симпатией к нему. Рабочие от души пожимали ему руку, когда он навсегда уходил, уволенный с копеек. Этьен обладает большой волей и силой характера. Тяжелая жизнь закалила его, и пережитая забастовка, руководителем которой он был, обострила его политическое зрение. Читатель расстается с Этьеном, сознавая, что это еще не настоящий, вполне оформившийся руководитель рабочего движения, но что он, пройдя школу революционной борьбы, несомненно будет им.

Золя отмечает высокий моральный облик основной массы рабочих, которые, несмотря на ужасающие условия жизни, способны на благородные и мужественные поступки. Ярким примером мужественного самопожертвования является поведение рабочего Захария, погибающего при спасении сестры и товарищей — углекопов, погребенных в шахте. Горячее сочувствие вызывает Маэ, потерявшая мужа, сына, дочь, не видевшая в своей жизни ни одного дня радости, но которая тем не менее сохранила и чувство собственного достоинства и гордость человека.

Особенно привлекательными чертами Золя наделяет дочь Маэ Катерину. Он подчеркивает силу характера этой девушки, как и силу ее маленьких рук, откатывающих тяжелые вагонетки с углем.

Привлекателен также образ старика Мука с его горячей привязанностью к дочери.

По-иному изображает Золя представителей господствующих классов, буржуазию. Шахтерской массе он противопоставляет некую «Акционерную компанию», которая из Парижа безжалостно и методично руководит силами, угнетающими рабочих. «Компания» превращается в романе в мрачный символ господства буржуазии, «бога живого и пожирающего во мраке рабочих», — как пишет Золя в набросках к роману.

Представители буржуазии изображены в романе как индивидуалисты, для которых собственное благополучие превыше всего. Они отчаянно борются друг с другом в погоне за материальными благами, за увеличение своих прибылей.

«Довести соседнего владельца до полного разорения, а потом купить у него шахту за бесценок» — вот вождельние каждого буржуа.

Золя иллюстрирует это примером длительной борьбы Компании с владельцем участка угольных копей Денеленом, который в конце концов, подорванный конкуренцией, разоряется и продает свои копи.

«О, я прекрасно знаю их, всех этих маркизов, герцогов, генералов и министров. Настоящие разбойники, которые снимут с вас рубашку, если вы им попадетесь в лесу», — говорит Денелен о своих конкурентах.

Писатель смело срывает маску с буржуазной филантропии, рисуя семью Грегуаров, «добреньких» буржуа, которым кажется, что они самые честные люди на свете и что «благоденствия» их приносят какую-то помощь рабочим.

«О, я не спорю, — рассуждает Грегуар, — среди акционеров есть люди, злоупотребляющие своим положением... но мы, мы живем скромно и честно! Мы не занимаемся спекуляциями, мы разумно живем на то, что имеем, и еще уделяем бедным».

Грегуары не могут и не хотят понять настоящего положения рабочих. Сытые и праздные, они способны только обвинить самих рабочих в неумении жить. «На свете много горя, это правда, но согласитесь сами..., что и рабочие далеко не всегда поступают разумно. Вместо того чтобы откладывать деньги на черный день, как это делают наши крестьяне, углекопы пьянствуют, залезают в долги и в конце концов им нечем кормить семью». Так лицемерно рассуждают рантье Грегуары.

Золя беспощаден и по отношению к другим буржуа, изображенным в романе. Он развенчивает моральные устои буржуазной семьи, сытое безразличие богатых к страданиям бедных. В одном

из эпизодов романа Золя рассказывает о том, как компания праздных буржуа приехала полюбоваться на катастрофу в шахтах, унесшую многие жизни. В то время, когда рабочие трудились, откапывая своих товарищей, раздетые дамы наслаждались зрелищем разрушения. Мрачная трагедия становилась предметом развлечения для бездушных представителей власти имущих.

По своему основному содержанию роман «Жерминаль» направлен против буржуазии. Он способствовал разрушению демагогических буржуазных измышлений о якобы терпимом положении рабочих во Франции. Недаром реакционная критика встретила его так враждебно.

«Жерминаль» является свидетельством большого реалистического мастерства писателя. Совершенно справедливо Анри Барбюс в своей книге о Золя отмечал в нем «смелую простоту, яркое упорство в труде, чуткость, гибкость, жизненность и чутье действительности, обеспечивающее контакт с массой и одновременно безошибочный выбор правильной литературной линии». Однако не следует забывать, что важнейшие вопросы социальной действительности Золя рассматривал с позиций, характерных для буржуазного художника. Отсюда проистекают многочисленные ошибки и противоречия в его творчестве.

В серии романов «Руго́н-Маккары» Золя хотел нарисовать «естественную и социальную историю одного семейства при Второй империи». Он поставил перед собой задачу — описать формирование характера под воздействием двух факторов — социальной среды и наследственности.

Если первый фактор — формирование характера под воздействием социальной среды — правилен, то второй — воздействие наследственности и индивидуальных биологических особенностей на нравственный облик человека — глубоко ошибочен. Золя пытался проиллюстрировать влияние наследственности на формирование характера человека описанием потомства Руго́н-Маккаров, унаследовавших от своих родителей-алкоголиков нравственные и физические недуги.

Потомки Руго́н-Маккаров не в силах побороть в себе порочные побуждения природы, обусловленные якобы наследственностью.

Художественный такт и трезвое понимание действительности заставляли Золя помимо его воли отказываться от заранее принятого ошибочного принципа. Тем не менее художественное мастерство его в целом значительно пострадало от стремления подчинить поступки людей ложно понятым им законам наследственности. Не свободен от этих пороков и лучший его роман «Жерминаль», в котором Золя уделяет немалое внимание биологическим мотивам.

Буржуазная ограниченность социальных воззрений Золя сказались и в том, что в своем романе он ставил не революционные, а филантропические задачи. «Мое произведение не революционное, а филантропическое», — признавался Золя.

Протестуя против бесчеловечного угнетения рабочих, он пытается вызвать чувство сострадания у буржуазии, наивно думая, что можно путем убеждения принудить ее поступиться своими классовыми интересами.

«...У меня было одно желание — крикнуть счастливым, сильным мира: будьте осторожны, загляните в шахты и посмотрите на несчастных, там работающих и страдающих. Быть может, есть еще время предотвратить великую катастрофу. Но спешите расчислить почву для торжества справедливости, ибо опасность уже налицо».

Все это помешало Золя правильно отобразить борьбу рабочих со своим классовым врагом. Чувство неверия в свои силы охватывает в ряде случаев углекопов, описанных в романе. Настроение безысходности выражает старик Бессмертный, проведенный в шахтах большую часть своей жизни. «Это дело никогда не удавалось и никогда не может удалиться», — говорит он о забастовке.

Золя понимал необходимость грядущего обновления мира, но он страшился революции. Она рисовалась ему в самых мрачных тонах, поэтому он призывал к примирению, взывал к состраданию во имя предотвращения социальной катастрофы. Он не понимал того, что классовая борьба ведет не к распаду общества, а к переустройству его — «...классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества»¹, — пишет И. В. Сталин в гениальных трудах о языкознании. Социалистическая революция если и означает катастрофу, то катастрофу для паразитического, эксплуататорского класса. Для трудящихся масс она несет избавление от рабства, нищеты, она знаменует начало новой жизни, свободной от неравенства и эксплуатации, начало невиданного в истории расцвета материальной и духовной культуры.

Золя один из немногих писателей Запада обратился к изображению жизни рабочих. В его время писатели и художники чуждались этой теме, не находя в ней эстетического элемента. Автор Ругон-Маккаров поднялся выше установившихся предрассудков и смело, на большом художественном полотне отразил непосильный труд, страдания и революционный протест углекопов. Однако буржуазная ограниченность взглядов Золя помешала ему по-настоящему

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 19.

понять и оценить революционное выступление углекопов; он не сумел полностью отразить сознание рабочими своей силы, их большую веру в грядущую победу и пристекающий из этого оптимизм рабочих в противовес пессимизму буржуазии, предвидящей свою скорую гибель.

В чем же, однако, ценность книги Золя «Жерминаль», не свободной от ошибок и противоречий? Ценность ее заключается в том, что она заставляет читателя почитать нетерпимость обстановки, в которой живут трудящиеся в буржуазном обществе, понимать и желать смены этого общества, разрушения его.

Ценность книги Золя заключается в том, что она вызывает горячую симпатию и сочувствие к огромным трудящимся массам, задавленным подневольным трудом и нищетой, а также ненависть и презрение к виновникам нечеловеческих условий жизни рабочих — ко всем властям имущим в буржуазном обществе.

Ценность книги Золя заключается, наконец, и в том, что сквозь ряд ошибок и противоречий автора пробивается правильная и плодотворная мысль: «молодой, полный сил класс» придет на смену одряхлевшей буржуазии.

С. Артамѡнов

Э. ЗОЛЯ

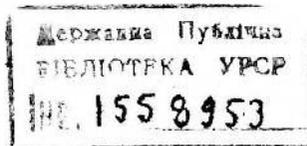
ДЕНЬГИ

ОБЯЗАТЕЛЬНО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1953

Перевод с французского
А. Н. Тетеревниковой и Д. Г. Лившиц

Редакция Б. Г. Рейзова

I

Часы на бирже только что пробили одиннадцать, когда Саккар вошел в ресторан Шампо, в белый с позолотой зал с двумя высокими окнами, выходящими на площадь. Он окинул взглядом ряды столиков, где с озабоченным видом, близко придвинувшись друг к другу, сидели посетители, и, казалось, удивился, не найдя того, кого искал.

Один из официантов, торопливо сновавших по залу, пробежал мимо с полным подносом. Саккар спросил его:

— Что, господин Гюре не приходил?

— Нет еще, сударь.

Тогда, решив ждать, Саккар сел за освободившийся столик в амбразуре окна. Он боялся, что опоздал, и, пока меняли скатерть, стал смотреть на улицу, следя за прохожими. Даже когда ему подали прибор, он не сразу заказал завтрак и еще несколько мгновений не отрывал глаз от площади, залитой веселым светом одного из первых майских дней. В этот час, когда все завтракали, она почти совсем опустела: скамьи под каштанами с нежной молодой зеленью были свободны; на стоянке экипажей, вдоль ограды, от одного ее конца до другого, вытянулся ряд фиакров; и омнибус, идущий от Бастилии, остановился перед конторой у сада, не приняв и не высадив ни одного пассажира. Лучи солнца, падая почти отвесно, заливали светом здание биржи с его колоннадой, двумя статуями, широкой лестницей и обширным пространством за колоннами, где пока стояли только пустые стулья, выстроенные в боевом порядке.

Обернувшись, Саккар увидел за соседним столиком Мазо, биржевого маклера. Он протянул ему руку:

в 1867 году пойти на военный союз с Пруссией, которая усиленно готовилась к войне с Францией.

— *...война... из-за Люксембургского инцидента.* — Имеются в виду предпринятые в начале 1867 года безуспешные попытки правительства Наполеона III дипломатическим путем добиться присоединения к Франции Люксембурга.

Стр. 314. *...новый военный закон...* — Закон от 1 февраля 1868 года, предусматривавший создание мобильной национальной гвардии и рассчитанный на увеличение французской армии вдвое, встретил в Законодательном корпусе яростную оппозицию и был проведен с большим трудом.

Стр. 331. *Римские дела... после Ментаны...* — В конце 1867 года отряды Гарибальди вторглись в папские владения. Наполеон III, выполняя требования клерикальной партии, снова двинул войска на выручку папской армии. У Ментаны — небольшого городка близ Рима — 3 ноября произошло сражение, в результате которого гарибальдийцы были разбиты, а сам Гарибальди взят в плен. Эта новая акция усложнила отношения французской империи с Италией, добивавшейся освобождения Рима.

Стр. 349. *Груши Эманюэль (1766—1847)* — маршал Наполеона I. Во время битвы при Ватерлоо командовал резервной кавалерией. Упустив преследуемые им прусские войска во главе с Блюхером, Груши не сумел во-время прибыть на поле сражения, и это дало основание Наполеону I считать Груши главным виновником поражения при Ватерлоо.

СОДЕРЖАНИЕ

Деньги	3
Б. Реизов. Роман Золя «Деньги»	428
Примечания	444